

ИЗ БУЛГАРСКОГО ВКЛАДА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ, I

При изучении истории формирования лексики славянских языков нельзя обойти стороной пополнение словаря за счет заимствований из соседних языков. Особый интерес представляют древние заимствования, которые нашли отражение во всех славянских языках, как, например, древнейшие германизмы в славянских языках, которым посвящена довольно большая литература¹. В комбинировании с историческими данными этот слой лексики весьма интересен для вопроса о прародине славян, а также для вопроса о хронологии распада славянского единства.

В этом отношении весьма важно изучение древнейших лексических тюркизмов в славянских языках. Ведь с тюрками славяне познакомились уже в конце IV в. (гунны), и это знакомство продолжалось вплоть до распада славянского единства и после его распада. Правда, наши сведения о тюркских языках Восточной Европы IV—XI вв. чрезвычайно скучны, хотя есть основания подозревать, что до самого X в. в Восточную Европу проникали тюркские языки типа чувашского — булгарские тюркские языки: гуннский, аварский, булгарский (здесь намеренно употребляется этимологическое написание б у л г а р с к и й, чтобы не смешивать этот тюркский язык средневековья со славянским болгарским языком).

Пока нет убедительных данных для разграничения этих трех языков. Можно лишь предполагать, что для всех трех славянских групп языков общие заимствования давали гуннский и аварский языки, булгарский же язык в собственном смысле давал материал для строиславянского и болгарского языков и для древнерусского языка. Вероятно, что тюркские по происхождению слова, которые встречаются в восточно- и западнославянских языках (причем, если они не являются новыми заимствованиями), могут также считаться наследием аваров: имя последних, кажется, не было отражено в языке южных славян.

---

¹ См. одну из последних работ: В. В. Мартынов. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры (к проблеме прародины славян). Минск, 1963 (ред. О. Н. Трубачева в сб. «Этимология. 1964». М., 1965, стр. 357—359).

При изучении этого рода древнейших тюркизмов славянского словаря необходимо также обращать внимание на то, что в конечном счете эти слова могут оказаться не тюркскими, а заимствованными в языки тюрков во время их длительного движения из степей Центральной Азии в Восточную Европу из языков тех народов, с которыми тюрки имели контакты по пути на запад. Кроме того, в состав как гуннских, так и аварских кочевых объединений, вероятно, входили и представители многих нетюркских народов, которые также обогащали тюркские языки основной массы кочевников новыми словами.

Отсутствие письменных памятников гуннского и аварского языков и крайняя их скудость для булгарского языка заставляют при объяснении древнейших тюркизмов в славянской лексике прибегать к данным всех тюркских языков², и в первую очередь к фактам чувашского языка, который восходит к древнему тюркскому языку Волжско-Камской Булгарии. Опираясь на данные сравнительной грамматики славянских языков и факты исторической грамматики отдельных славянских языков, исследователь должен восстанавливать прежде всего фонетическую эволюцию анализируемого слова, показать его более древнюю форму. Параллельное восстановление более древних звучаний для тюркского слова вплоть до совпадения тюркской и славянской праформ позволит установить относительное (лингвистическое) время заимствования тюркского слова славянами. Для установления более точного, абсолютного времени заимствования следует прибегать уже к историческим данным.

Относительные длительные контакты славян с тюрками и обогащение славянского словаря за счет тюркских языков позволяют в результате изучения тюркизмов в славянской лексике по-новому осветить некоторые вопросы исторической фонетики славянских языков.

РУССК. *батог* И Т. П.

История и этимология русского слова *батог* и близких к нему слов представляет большой интерес с точки зрения булгарско-славянских языковых связей, ибо показывает важность привлечения для анализа как можно большего материала, который демонстрирует, как опасно решать этимологические проблемы на весьма ограниченном материале.

Русские этимологические словари, начиная со словаря Ф. Рейфа, производят существительное *батог* от известного почти во всех славянских языках и в русских говорах слова *бат*. ‘дубинка, шест’, а также приводят как родственные слова *ботать*

² В некоторых случаях приходится привлекать также данные других алтайских языков (монгольских и тунгусо-маньчжурских), которые имеют родственные связи с языками тюркскими.

‘пугать рыбу ударами палки по воде; стучать, тарахтеть’ и бот ‘шест для ботанья рыбы, ботало’³. Эта этимология восходит к первому изданию «Словаря Академии Российской», где слово батог помещено в гнездо, во главе которого находится слово бот, ботик 1) ‘Палка. В сем знаменовании речение сие у нас вышло из употребления, а осталось у других некоторых славянских народов’, 2) ‘Орудие рыбакое, состоящее из шеста с приделанною на конце шишкою, коим в реке рыбу загоняют в сети’⁴. Повторяется эта этимология и в ряде статей⁵ и этимологических словарей славянских языков Э. Бернекера, А. Брюннера, Ст. Младенова (под словом *bátkam*), И. Голуба и Ф. Копечного, В. Махека, Ф. Славского⁶, несмотря на проблематичность существования славянского суффикса *-oгъ*, в славянском происхождении которого справедливо сомневался Ф. Е. Корш еще в 1908 г.^{6a}

Однако многих лингвистов эта этимология существительного батог на славянской почве не удовлетворяла, поэтому отмечаются поиски соответствий этому слову за пределами славянских языков.

Широко известна этимология А. О. Мухлинского, который объясняетпольск. *bat*, *batog*, чеш. *bat*, *batoh* и русск. батог, ботог вместе с загадочными формами *botot*, *botozi* («в других славянских наречиях») как заимствования из турецкого названия ветки *بوداق*, *botag*⁷.

Эта этимология была поддержанана Ф. Миклошичем в его дополнениях к своей работе о тюркских элементах в восточноевропейских языках⁸, а также Н. В. Горяевым во втором издании его словаря^{8a}, несмотря на явное несоответствие в вокализме.

Известна также тюркская этимология А. К. Казембека, высказанная по поводу русских диалектных форм *бáйтik* и *бáтик* ‘палочка, тросточка’: «от глагола *باتماق* [батмак — И. Д.]

³ Ф. Рейф. Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или Этимологический лексикон русского языка, I. СПб., 1835, стр. 44; Н. В. Горяев. Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка. Тифlis, 1892, стр. 4; Пребраженский I, стр. 19; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, I. М., 1964, стр. 134; «Этимологический словарь русского языка», т. I, вып. 2. Автор-составитель Н. М. Шанский. М., 1965, стр. 56—57.

⁴ «Словарь Академии Российской», I. СПб., 1789, стр. 300—301.

⁵ П. М. Мелиоранский. Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени. — ИОРЯС, X, 4. СПб., 1905, стр. 113; G. Il'jinski. Etymologie słowiańskie. — PF XIII, стр. 498.

⁶ Вегнерег I, 46; Врюкнер, стр. 18; Младенов, стр. 18 (под словом *bátkam*); Holub—Корецкий, стр. 66; Machek, стр. 26; Ślawski I, стр. 28.

^{6a} «Jagić-Festschrift». Berlin, 1908, стр. 254 сл.

⁷ A. Muchlinski. Zródłosłownik wyrazów które przeszły do naszej mowy z języków wschodnich. Petersburg, 1858, стр. 9.

⁸ Цит. по словарю М. Фасмера.

^{8a} «Сравнительно-этимологический словарь русского языка». Тифlis, 1896.

значит: воткнутый в землю кол, острая палка»⁹. Однако производное от этого глагола *батык*, по словарю В. В. Радлова, встречается в турецком, татарском и казахском языках, но значит ‘впавший, подавленный, разрушенный’. Не очень надежная этимология Казембека совершенно не получила распространения.

Известна этимология, возводящая *батог* к ит. *batacchio*, *batocchio* ‘палка’, против которой возражали Э. Бернекер и М. Фасмер.

Наконец, еще в середине прошлого века была сделана попытка сравнить русское *батог* и подобные с чуваш. *патах* (*падак*), а также с коми-зыр. и коми-perm. *бед*, удм. *боды* и морд. *байтек*¹⁰. Но эти сопоставления в дальнейшем учтены не были, и этимологические разыскания в этом направлении никто не проводил. Интересно, что в этих наблюдениях была сделана попытка рассмотреть не только литературную форму *батог*, но и диалектные формы *падог*, *падожок*, *подожье* и *байтик*.

Основные недостатки рассмотренных этимологий заключаются в том, что, во-первых, этимологизируется обычно одно лишь слово *батог* и игнорируются, как правило, его фонетические варианты и, во-вторых, совершенно не учитывается география распространения слова. Между тем учет этих двух факторов является само собой разумеющейся аксиомой любого этимологического исследования. Наличие большого количества фонетических вариантов слова обычно свидетельствует в пользу неисконности такого слова и заставляет искать источник заимствования в зависимости от истории и географии его распространения в прошлом и настоящем.

Прежде всего желательно установить все фонетические видоизменения этого слова в славянских языках, а также границы его распространения. Наибольшее число вариантов дают восточнославянские языки, и прежде всего русский язык, примеры из которых приводим по второму изданию словаря В. И. Даля, 1955 г., по «Опыту областного великорусского словаря» (сокр. — Оп.) и «Дополнениям» к нему (сокр. — Доп.). В словаре Даля многие слова этого типа помещены под корнем *бадаг*: *бадаг*, *бадег*, *бадажбк* (в первом издании *бадожбк*. — И. Д.), м., ряз. тмб. *батык*, ряз. тул. тмб. *бадик*, *бадичбк*, *байдык*, *бадбк* влд. кстр. и др. ‘батог стар., падог, падожок, палка, посох, трость, хворостина’; *батог* стар. ‘длинник, хлысты, коими наказывали’; сиб. нвг. ол. прм. ‘тросточка, посох, хворостина’; влд. ‘цепник, било, киец, билень,

⁹ А. К. Казембек. Объяснение русских слов, сходных со словами восточных языков. — «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики», I, СПб., 1854, стр. 30.

¹⁰ И. Н. Бerezин. Замечания о восточных словах в областном великорусском языке. — «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики», I, стр. 328; А. М. Шгрен. Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных. — Там же, стр. 145.

типок'; юж. 'бич, плеть, долгий кнут на длинном кнутовище, для погонки волов'; прм. сиб. 'мера дров: полсажени погонной; в батоге дров или уголья 14 четвертей длинику и 8 вышины (а по-перек? [примеч. Даля]); скирды также обмеряют на батоги, || батоги, петровы-батоги 'голубой цикорий, раст. *Cychorium Intybus*' || батожок у живописцев 'тонкая палочка, для поддержания пишущей руки, муштабель [далее поясняются производные от слова батог: батожный, батожить, батожье, батожник. Заключается статья словом:] бадовяк м. арх. 'старый межевой пень, усохшее дерево, сохраняемое в виде межевого знака' (I, 36). Ср. гнезда: падог, падожек м. сев. вост. 'батог, бадиг, байдиг; палка, трость, посох, дубинка'. Надо на дорогу падог вырезать. Падожье ср. собрт. 'палочье, для битья'. На долгом веку накланяешься и падогу, неволей (III, 8); подбг, подожбк 'падог, падожок, бадиг, батог, хлыст, палочка, трость подручная, для ходьбы' (III, 192). Картина получается достаточно сложная, если даже не учитывать приведенное выше бадовяк, а также ботик м. умал. прм. 'поршень в насосе, на варницах, для подъема рассола' (I, 120), сомнительный для самого Даля глагол паточить? кого влд. 'бить колотить' (III, 24; если не от патока, а образование типа батожить, дубасить) и паткнище ср. пск. твр. 'гвоздь, вешалка' (III, 356, если не от ткнуть).

«Опыт областного великорусского словаря» и «Дополнения» к нему частично уточняют данные словаря Даля. В частности, в этих изданиях указывается, что формы бадаг, бадажбк были распространены в Новгородской (Белозерский у.) и Саратовской губ. (Доп.), а форма бадбк была отмечена также в Вологодской губ. (Даль отмечает влд. кстр. и др.) (Доп.). Формы байдик (ворон. ряз. сарат. тамб. тул.) и байдик¹¹ (ряз.) (Доп.) зафиксированы с начальным ударением (у Даля ударение на конечном слоге — байдик, байдик и без локализации). У воронежского байдик М. Фасмер отмечает также значение 'ярмо' (Фасмер I, 103 со ссылкой на Ж. ст., 15, вып. 1, стр. 126). Существительное батик (пенз. ряз. сарат. тамб. тул.) 'палочка, тросточка' (Оп. 8) отличается от помещенного у Даля батик (ряз. тул. тмб.) местом ударения. Разное место ударения в словах байдик, байдик и батик у составителей «Опыта» и «Дополнений», с одной стороны, и у Даля, с другой стороны, возможно, вызваны стремлением Даля нормализовать колебание ударения по образцу других слов, входящих в это же гнездо, если здесь нет опечатки. Формы падбг, падожбк, имеющие у Даля помету сев. и вост., в «Опьте» получают более определенную локализацию: каз., нижегор., сибм., тамб. Помещенное в «Опьте» с пометой ряз.

¹¹ Вероятно, с этим существительным связан топоним Байдики (село, деревня) в Рязанской обл. («Уч. зап. Рязанс. пед. ин-та», XXI, 1958, стр. 32—33). Ср.: Д. К. З е л е н и н. Великорусские говоры с неорганическим и не-переходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб. 1913.

слово *байтик* в словаре Даля отсутствует¹². Весьма важны диалектные формы *потожок*, отмеченная в севском говоре А. Г. Преображенским (под словом *батог*), и *потобг*, отмечаемая Н. В. Горяевым и М. Фасмером под словом *батог* без указания на территорию и источник. В архангельских говорах наряду с формой *батоб* встречается форма *бадбг* 'палка'¹³. Этот перечень разных фонетических вариаций слова *батог* можно дополнить отмеченным Фасмером¹⁴ в «Северных сказках» Ончукова существительным *боток* (стр. 20 и др.) со значением 'батог'. Весь перечень великорусских форм (вариантов) слова *батог* можно завершить формой *ботог*, отмеченной в первом издании «Словаря Академии Российской» и словаря Ф. Рейфа. Если это не простой орфографический вариант орфограммы *батог* с передачей безударного *а* как *о*, обусловленный принятой в этих изданиях этимологией (от *ботать*), то и этот вариант важно учесть при этимологии слова¹⁵.

В приведенном здесь перечне великорусских диалектных видоизменений слова *батог* учтен лишь материал старых словарей, которые были в распоряжении всех составителей этимологических словарей и которыми эти составители могли бы воспользоваться в своей работе. Если же воспользоваться вторым выпуском сводного русского диалектного словаря, вышедшего в 1966 г.¹⁶, то многообразие диалектных вариирований слова *батог* станет еще большим. Добавлю только слова, не обнаруженные мною в цитированных выше источниках: *бадак* (новг. приангар.) 'палка, дубина, рычаг' (стр. 37), *бадек* (сарат.) 'палка, посох, трость' (стр. 39); *байдиг* (самар.) то же, это слово отмечено также в словаре Даля (III, 8) при пояснении слова *падбг*, без ударения (стр. 39); с колебанием ударения *бадог* и *бадбг* (арх. киров.) 'было у цепа'

¹² Возможно, к этому гнезду следует отнести отмеченное «Дополнениями» псковское *пбтик*, *пбтка* 'мужской детородный уд' (ср. этимологию слов. — *chuijь), если последнее не связано с существительным *птица*: *pъtъka, *pъtikъ (корень **pъt-*).

¹³ П од в ы с о ц к и й, стр. 5. Изоглоссы распространения обоих вариантов в говорах Архангельской обл. см. в кандидатской диссертации: В. Я. Д е р я г и н. О развитии диалектов Архангельской области по данным истории и географии слов. М., 1966.

¹⁴ M. V a s m e r. Kritisches und Antikritisches zur neueren slavischen Etymologie. — RS III, стр. 261—262 (в словаре не учтено). Следует также упомянуть форму *batoch* в «Русско-английском словаре-дневнике Ричарда Джемса», которую издатель этого памятника Б. А. Ларин транскрибирует как *батбк*, со значением 'посох' (Б. А. Л а р и н. «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.).» ЛГУ, 1959, стр. 67). Эта же форма представлена в вологодских говорах как название части цепа (см. «Диалектологический сборник», I. Под ред. А. С. Ягодинского. Вологда, 1941, стр. 62).

¹⁵ Вариант *байдиг*, встретившийся в «Словаре» Даля в пояснительном тексте словарной статьи *падог* (III, 8) и не подтвержденный другими источниками, я не решаюсь включить в число достоверных модификаций слова *батог*.

¹⁶ Ф и л и н 2, стр. 144.

(стр. 40, здесь же в иллюстративном примере *бадбк* 'то же', не выделенное в словарную статью, но отмеченное у Даля); *бадушбк* (иссык-кульск.) 'посошок, тросточка' (стр. 41); возможно, относятся сюда же пермск. *бадыжник* 'ольховник' (стр. 41), *бадяга* (арх.) 'длинный, неуклюжий по виду предмет' (стр. 42); *батога* (пск. арх., перм. сиб.) 'палка; единица измерения скирд' (последнее значение имеет пометы *перм. сиб.* со ссылкой на Даля, но у последнего формы *батога* не обнаружено, есть лишь форма *батбг* — пример см. выше, при цитировании гнезда *бадаг* из словаря Даля); *батбжка* (челяб.) 'палка, которой гоняют деревянный шарик в детской игре'; *батбж*, *батбжжа* (калуж.) 'стебель щавеля' (стр. 145); *батюжок* (новг.) 'палка?' (стр. 149); *батиз* (курск.) 'кнут' (стр. 142); *батбк* (яросл. новг.) 'часть цепа, бьющая по снопам, било; толстая, короткая палка для околачивания льна'; *батбзыки* (ряз.) 'молодые побеги сосны, выросшие за один год' (стр. 146).

Даже ограничившись приведенным здесь материалом, можно думать, что слово *батог* со всеми его модификациями не может считаться исконным словом для русского языка: слишком уж необычны звуковые чередования звонких и глухих согласных, чтобы считать это слово незаимствованным.

Несомненно, является преобразованием слова *батог* отмеченное Далем во множественном числе и без ударения *бутуги?* (*батоги?*) м. мн. сар. 'гнетки, гнетины, переметины; ветреницы, прижимные хворостины на скирдах' (I, 145). Такое сближение возможно при конечном ударении и контаминации с *тугой*, *туго* (ср. *гнёт*); у первого слога относится за счет редукции гласного *a* и последующей его лабиализации и веляризации за счет губного согласного.

Большое число вариантов представлено и в украинском языке, хотя в значительно меньшем количестве, чем в русском. В «Словаре украинского языка» Б. Д. Гринченко мною обнаружены следующие слова, соответствующие русск. *батог* и его вариантам: *батіг* (род. п. *батога*) 'кнут, плеть; рычаг в ступе для толчения зерна, на который надавливают ногой'; *батогі* 'стелющиеся стебли растений' (I, 32); *бату́га*, *батю́га*, *бату́ра*, *батурмéн* 'большой кнут, кнутице, плеть' (I, 33); *патíк* (род. п. *патикá*) 'палка, кол', *патíка* (род. п. *патíки*) 'палка; кляча; нерасторопный'; *пáтер*, *патерíца* 'посох' (III, 101). В этимологических словарях Ф. Миклошича, Э. Бернекера и Н. В. Горяева приводится также украинская форма *batúch* — *батухъ* 'кнут' без указания на место распространения. В закарпатских украинских говорах отмечена форма *бату́г* (род. п. *батуга*)¹⁷, которую Фасмер приводит в словаре без определенной локализации.

¹⁷ И. А. Дзендеревский. Лингвогеографические свидетельства о расселении подолян и волынян Ф. Корятовича в Закарпатье. — «Вопросы теории и истории языка. Сборник в честь профессора Б. А. Ларина». ЛГУ, 1963.

Особый интерес представляет украинская диалектная форма *батій*, изредка употребляющаяся в некоторых говорах правобережной Черкасчины¹⁸.

Связано с этими словами укр. *бендюгá* 'толстая палка, дубина; бревно, посредством которого ветряная мельница поворачивается; каждая из жердей, которые кладут на воз для укладки на них снопов: две вдоль, а две поперег', *бендюжина* то же. Но с этими словами тесно переплелись слова *бендюги*¹⁹ 'род простой повозки, ломовые роспуски' и *бендюхí* 'двухколесный передок плуга' (Гринченко I, 49). Из украинского языка был заимствован термин *бендюга* (новорос., [из] малороссийск.) 'рычаг, бревно, вставленное в основание крестьянской мельницы, для поворота ее, хвост, хобот' (Даль I, 81). Вероятно, связано с украинским имеющее у Даля помету *юж.* существительное *бендюги* 'простые сани, для возки соломы, навозу и пр.' Что касается смоленского термина *бýндюх*, *бýньдюх*²⁰ 'рыдван, большая или троичная извозная телега, на которую валят до ста пудов' (Даль I, 87), то ударение указывает на первоначальную форму, связанную с нем. *Bindwagen*^{20a} или ср.-в.-нем. *bindinge* 'узел, завязка, связь' (см. словарь Фасмера под словами *бендюг*, *бендюга* и *биндюг*, *биндюга*, где приводится также форма *биндига*). Фасмер выделяет особо значение 'рычаг' как невыводимое из немецкого. Вероятно, конечное ударение было именно у формы со значением 'рычаг', впоследствии же произошла контаминация разных слов: *бýндиг*, *бýндюг*, *биндюг*²¹.

Вероятно, примыкает к этому слову отмеченное у Даля (I, 87) *бильдюга* ж. ряз. кур. 'суковатая палка, дубинка с комлем или корневищем; булдыга, палица, шелепуга, суховатка, закомлейка'. К пометам Даля составители «Словаря русских народных говоров» добавили помету *орл.*, а также отмеченный

¹⁸ П. С. Лисенко. Словник специфічної лексики правобережної Черкащини. — «Лексикографічний бюлєтень», вип. VI. Київ, 1958, стр. 9.

¹⁹ Известно и в форме *биндюгí*, произносится, впрочем, так же, как и *бендюгí*.

²⁰ Сводный областной словарь приводит смоленскую форму лишь в виде *бýндюг*, вероятно, по «Опыту».

^{20a} О. Н. Трубачев обратил мое внимание на то, что превращение нем. *Bindwagen* в *биндюги* связано с посредством диалектов идишского (новоеврейского) языка.

²¹ Что касается собственно русского происхождения слова *биндюжник* (см. «Этимологический словарь русского языка», т. I, вып. 2. Автор-составитель Н. М. Шанский. М., 1965, стр. 120), то это объяснение основано на недоразумении. Как форма *биндюги*, так и слово *биндюжник* являются украинизмами. См. *бендюжник* в украинском словаре Б. Д. Гринченко. «Словарь русских народных говоров» фиксирует слово *бендюжник* в Орловской губ. (Карач. у.) 1905—1921 гг. со значением 'хозяин ломовых извозчиков при железнодорожной станции' и слово *биндюжник* (Одесса, астрах. и др. южные города!) 'носильщик, грузчик', что не совпадает с местом распространения слова *биндюг*, *биндюга*, *бýндюг* в русских говорах. Характерно, что слово отмечено впервые в местах, пограничных с украинским языком.

во Владимирской губ. (Переяславский у.) фразеологизм *бильдюгу согнуть* 'сказать нелепость'. Сближено с *быть, было*.

В русск. *булдыга* ж. кур. 'мосол, кость' || влд. 'шишковатая дубина, долбня, палица, булава'; || об. 'волдыга, гуляка, пьяница, буян, забулдыга' (Даль I, 140) можно предполагать результат контаминации слов *булава*, *балда*, *батаг* (в каком-либо одном из многочисленных вариантов) и *волдыга*, *забулдыга*, чemu способствовало, безусловно, экспрессивное употребление слова.

Украинская лексикография (Б. Д. Гринченко) отметила, что конечный заднеязычный согласный рассматриваемого слова (*г* или *к*) мог чередоваться с плавным *r* в формах *бату́ра*, *бату́рмén*, *пáтер*, *пáтериця*. Аналогичные формы с исходом на *-r* известны и русским диалектам. Даль I, 54: *батáрчина?* ж. в.-сиб. *поторчина?* 'дубина, кол, роскоха'; *батéр* м. 'раст. *Spiraea Ulmatria* таволга, таволжник, идущий на кнутовища' и ряд других значений под вопросом; III, 358 под гнездом *поторчать*: *поторчина, поторча* вост., *поторчевина* пск. 'кол, шест, палка, рожон, воткнутый торчком, торчмя; надолба, тумба, кáба, кобá, столбик, торчок, копыл, пенек, тычок'; *поторчины дубовые* 'сваи, палисады, частокол'. Кирша. В сводном диалектном словаре (выпуск второй) отмечены формы *батарчина* и *батáрчина* 'палка, рычаг, дубина' (стр. 141) и *баторчина* 'длинная палка, жердь' (стр. 146). Возможно, сюда же относится русск. диал. (Даль I, 54) *бату́ра?* ж. ряз. тул. 'каланча, вышка, башня, крепость, городок', которое в сводном словаре подверглось весьма произвольной обработке. Гнездо *батура?* обл. ряз. 'абатур'; *обáтур* влгд. 'упрямец, непослушный, упорный', прм. 'uros'; *бату́рить* ряз. 'упряться, кобениться, ломаться'; || смб. 'тарáнить, тащить что громоздкое или тяжелое' (Даль I, 54) у Фасмера под словом *батура* связывается с гнездом *бат*: *батура* (<*бат* 'дубинка') дало значение 'упрямец', сюда же Фасмер относит и укр. *бату́ра* 'кнут', считая это слово исконно славянским²². Возможно, сюда же относится и сохранившееся в пермских говорах во фразеологизме *бéндыря поддать* 'ударить' (Филин 2, 241) слово *бéндырь*. Связаны с предыдущими диалектные *бадарýжина* (вят.) 'палка, хворостина, воткнутая в землю, тычина' и *бадарыжиться* (смол.) 'упряться, ершиться' (Словарь говоров II, 38). Дальнейшие видоизменения представлены в не локализованных у Даля словах *будорáжина* ж, *будорáжина* 'кол, тычок, торчок, тычинка' (I, 136).

Белорусские словари указывают на отсутствие слова *батог* на территории распространения белорусского языка, однако П. Скарджюс в своем исследовании о славянских элементах в старолитовском языке отмечает, что лит. *botágas, batogas* 'бич,

²² Помета пермск. у Фасмера ошибочно отнесена к *батура*: она характеризует поясняющее слово *uros*.

кнут' заимствовано из блр. *батбъ* (без ссылки на источник)²³. В «Словаре белорусского наречия» И. И. Носовича отмечено лишь «старинное» слово *байды* 'свая', по-видимому, в составе фразеологизма *байды биць* 'заниматься не делом, а пустяками; быть праздным, праздно шататься; баклуши бить'. Вероятно, с этим существительным связаны также приводимые Носовичем глаголы *байдбсиць* 'бить, колотить' и *байдбсовати* 'баклуши бить'. Ср. русский глагол *дубасить* (от *дуб*).

Тесно связаны с блр. *байды* 'свая' русск. диал. *байдыбить*, *байды бить*, *байдать* (курск., орл.), *бити байдики* (дон.), *бити байдаки* (южн.) 'слоняться без дела' (см. второй выпуск «Словаря русских народных говоров») и укр. (по словарю Гринченко) *байдаки гонити*, *байдаки бити*, *байды бити*, *байдики бити*, *байдикувати* 'бездельничать', ср. *байдиги плесті* (с г взрывным) 'говорить вздор'²⁴.

Представляет интерес сохранившееся в украинской рыболовной терминологии Нижнего Поднестровья *байдажбк* 'один из двух кілків, на яких розправляється підкрилок ятера'^{24a}. Это несомненный реликт значения 'палка, ког' у первой части рассмотренных выше восточнославянских фразеологизмов.

И. А. Дзендеревский отмечает на территории Украины топонимы *Батіг* (Винницкая об.) и *Батоги* (в Львовской и Станиславской обл. два села)²⁵.

В древнерусском языке слово *батог* представлено в памятниках XI в., правда, дошедших в более поздних списках («Русской правде» и «Повести временных лет»), в форме *батогъ*, причем в ряде списков вместо него употребляется слово *бичъ*. Встречается также и форма *батобъ* в рукописи XVII в. «Беседы на евангелия

²³ P. Skaržius. Die slawischen Wörter im Altlitauischen. Kaunas, 1931, стр. 45. Это же объяснение повторяется у Э. Френкеля (Гранек, стр. 53).

²⁴ Другое объяснение укр. *байдики бити* см.: В. С. Парасунько. До питання про проходження виразу *байдики бити*. — «Наукові записки Київського державного педагогічного інституту ім. О. М. Горького», т. XXXIII, 1963, стр. 105—109. Ср.: Р. В. Кравчука. З історії української лексики. — «Українська мова в школі», 1960, № 6, стр. 60.

Вероятно, сюда же следует отнести и русск. диал. *байдак* 'толстая доска (для пола или потолка)', а также названия судов *байды*, *байдак*, *байдара* (> *байдарка*), *будара*, если видеть в последних результат семантического развития, подобный тому, который имеем в словах для названия судов *дубок*, *дубас*, *однодеревка*. Правда, здесь эти слова контаминировались с монголизмом *байдара* 'вид миски, большой горшок' (монг. *бадир* 'жертвенная чаша') и тюркизмом *байдак*, *байдака*, 'озорник, буйн; дурак; нетель' (ср. казах. *байдак* 'холостой, ягненок, валух, яловый'). Ср. укр. *байдак*, *байдара* 'род судна'; *будара* 'фургон, крытая повозка'. (Ср. русск. диал. в Ростовской обл. *бедарка* 'двухколесная повозка, вмещающая 1—2 человека?').

^{24a} Й. О. Дзендеревський. Словник специфічної лексики говірок Нижнього Подністров'я. — «Лексикографичний бюллетень», вип. VI. Київ, 1958, стр. 38.

²⁵ И. А. Дзендеревский. Указ. соч., стр. 99.

св. Григория Двоеслова»: батбъкъ ременныи сплете = flagellum de funiculis, т. е. бич от вервии²⁶.

Кроме восточных славян, слово *batog* представлено только в некоторых западнославянских языках. В польском языке известна форма *batog*, а также уже вышедшие из употребления формы *patog*, *patok* 'большой кнут'. Высказано мнение о том, что польские формы зависят от восточнославянских: «Учитывая возраст слова в восточнославянских языках и польском, а также фонетику польской формы (отсутствие перехода *o* > *ö*; ср. в других аналогичных случаях *stóg*, *pieróg* и др.), очевидно, следует считать, что польск. *batog* стоит в зависимости от восточнославянского названия»²⁷. Вероятно, сюда же следует отнести также и польск. *ratyk* 'палка, прут' и ст.-польск. и диал. *patołecz* 'длинная палка'. Правда, по поводу этих слов А. Брюкнер в «Этимологическом словаре польского языка» (под словом *ratyk*) замечает, что они образованы от того же корня *ra*, который содержится в общеславянском *палец*, причем производящей основой он считает первую часть сложения *patołecz* — *pat-*, произведенную в свою очередь от корня *ra-*. Брюкнер считает это слово известным только польскому языку, хотя оно известно также украинскому, чешскому и словацкому языкам. В. Махек связывает *ratyk* с корнем *ткнуть—тыкать*²⁸. Можно думать, что эти этимологии отражают результат ассимиляции старого заимствования и его сближения с исконными славянскими словами (ср. разнообразие словацких форм).

В кашубских диалектах это слово известно в разновидностях *batog*, *batög*, *batięg*, как указывает Н. М. Шанский во втором выпуске «Этимологического словаря русского языка», издаваемого Московским университетом.

Известное в старочешском языке *batoh* 'кнут' в современном чешском языке не употребляется. Что касается соврем. чеш. *batoh* 'рюкзак, узел', то оно имеет совершенно другое происхождение (из нем. *Weidtasche* и венг. *batyu* 'ранец', по указанию В. Махека и В. Шмилауэра). В ляшских говорах чешского языка известно существительное *ratyk* 'палка, посох' (В. Махек).

В восточнословацких говорах известно *batuch* 'кнут', которое М. Калал считал полонизмом²⁹. Махек в своем словаре отмечает большое количество словацких форм, близких к укр. *патик*,

²⁶ А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, II, ч. 1, стр. 239.

²⁷ И. А. Дзенделевский. Указ. соч., стр. 99. — Здесь Э. Бернекеру и П. М. Мелиоранскому ошибочно приписаны чужие мнения, против которых они высказывались.

²⁸ Machek, стр. 357.

²⁹ M. Káral. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica, 1924, стр. 18 (цит. по указанной статье И. А. Дзенделевского, стр. 99). Скорее это украинизм.

польск. и чеш. *patyk*: *patýk*, *patyč*, *patyča* 'чурбан', *patyčie* 'мелкие жерди, *drobné tyčky*' *patík* 'прут, ветка', *pateka* 'кнутовище'.

Уже А. Брюкнер и вслед за ним Ф. Славский специально подчеркивали отсутствие слова *батогъ* у южных славян, однако, несмотря на это, некоторые авторы этимологических словарей (Н. В. Горяев, А. Г. Преображенский, Н. М. Шанский, С. Младенов) приводят старославянскую форму *батогъ*, основываясь на устаревшем понятии «старославянский язык», какое представлено у Ф. Миклошича³⁰. В «Словаре старославянского языка» Ф. Миклошича примеры на слово *батогъ* даны как из памятников древнерусского языка, так и из памятников сербского церковнославянского языка³¹. Этот материал «Словаря» Миклошича, с другой стороны, позволяет думать, что слово *батогъ* хоть в малой степени было известно и южнославянским языкам (сербскому церковнославянскому) в значении 'бич'. Вероятно, сюда же относится также с.-хорв. *bātok* 'треска, вяленая рыба' (со старым ударением на первом слоге), а также приводимые Миклошичем румынские название трески *батог* и *баток*³². Современные словари переводят рум. *batōg* также 'балык'. Ср. также молдавск. *батог* 'балык, треска'.

В значении 'бич, кнут' славянское *батог* представлено как заимствование в балтийских языках: лтш. *pātaga*, *pātega*³³ и лит. *botāgas*, архаич. *batogas*³⁴.

Представляет интерес также лит. композита *botagotis*, *botkotis* 'кнутовище' (по А. Скарджису, из *botag-kotis), где можно предположить также форму **бот(a)*.

³⁰ На отсутствие слова *батогъ* в памятниках старославянского языка еще в 1814 г. обратил внимание К. Ф. Калайдович («Записки важные и мелочьи К. Ф. Калайдовича» (1814). — «Летописи русской литературы и древности», III. М., 1861, отд. II, стр. 82). «Слово *батогъ*, находящееся у Нестора по древнейшему Лаврентьевскому списку», он относил к числу слов, которые «встречаются в древних сочинениях», хотя они и «совершенно похожие на новые».

³¹ M i k l o s i c h, LP, стр. 12. Составители большого старославянского словаря включили в него слово *батогъ* на основании одного памятника русской редакции XII в. См. «Slovník jazyka staroslovenského», 3. Praha, 1960, стр. 70.

³² Fr. M i k l o s i c h. Die slavischen Elemente im Rumänischen. Wien, 1861 (XII. Band der Denkschriften der Wiener Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse), стр. 14. Относительно семантических параллелейср. русск. *треска* и др.-руссск. *трѣска* 'кол, жердь'; нем. *Stockfisch* 'треска' (*Stock* 'палка'+*Fisch* 'рыба') > русск. *штѣквиц* 'сухая треска'. На церковнославянское происхождение румынских форм указывает и T i k t i n I, стр. 170 (*batōc*, *batōg*).

³³ Начальное *r*- вместо *b*- Я. Эндзелин объясняет возможным влиянием произношения латышизированных ливов или эстонцев. См.: K. M ü h l e n b a c h L. Lettisch-deutsches Wörterbuch, III, Riga, 1927–1929, стр. 190. Однако можно объяснить и заимствованием из русских говоров, где слово представлено с начальным *n*-.

³⁴ P. S k a r d ž i u s. Указ. соч., стр. 45. Ф. Миклошич (M i k l o s i c h, стр. 8) приводит также лит. *votagas* наряду с *botagas*.

Как русское заимствование XIX в. это слово известно и в финском языке — *patukka* ‘плеть, кнут, розга, батог’³⁵.

Итак, обзор всех встречающихся в разных славянских языках и их говорах соответствий русск. *батог* позволяет сделать вывод о том, что слишком большое многообразие фонетических вариантов этого слова может свидетельствовать в пользу неисконности этого слова, о его заимствованном характере для славянских языков. О заимствовании говорит и отсутствие соответствий в других индоевропейских языках. Конечный элемент *-огъ*, несколько напоминающий суффикс, вероятно, не является славянским словообразовательным аффиксом. Он обычно выделяется лишь в словах, недостаточно ясных этимологически (*пирог, творог, салог* и др.); высказывались мнения о восточном происхождении этих слов. В слове *острог* элемент *-ог*, действительно, может быть принят за суффикс, но это слово стоит изолированно. К тому же этот элемент в словах типа *батог*, подобно всему слову в целом, проявляет неустойчивость своего звукового облика, а в ряде случаев даже исчезает.

Характер фонетической неустойчивости слова, направление колебаний его звукового состава помогают установить возможный источник заимствования, поэтому обобщение этих колебаний представляется весьма важным для истории и этимологии рассматриваемых слов.

Начальный согласный колеблется между звонким и глухим губно-губным согласным (*б ~ н*).

Гласный начального слога, непосредственно следующий за *б ~ н*, проявляет некоторую неустойчивость, но с явной тягой к звучанию в виде *а*: *а ~ о ~ у ~ е ~ и*, причем четыре последних огласовки встречаются редко и как правило могут быть объяснены как результат каких-то сближений.

Согласный, начинающий второй слог, обнаруживает неустойчивость, особенно на восточнославянской территории. Чередование глухого *т* со звонким *ð* представлено во многих русских говорах (*т ~ Ѱ*), особенно формы с *ð* распространены на севере и северо-востоке, как показывают территориальные пометы словарей. Во многих формах этому звуку соответствует сочетание согласных *-йт-*, *-йð-*, *-нð-*, *-лð-*, *-льð-*. Можно думать, что смягчение согласного *-т-* или *-ð-* в некоторых формах обязано позднему воздействию исчезнувшего *-й-*. Ср. диал. *бадяга* при литер. *бадья*, диал. *байна* и *байня* при литер. *баня*.

Гласный второго слога наиболее неустойчив, здесь возможны все гласные: *а ~ о ~ и ~ ы ~ у ~ е*.

Конечный согласный слова реализуется то как заднеязычный, то как *й*, то совсем исчезает: *г ~ к ~ х ~ й ~ Ѹ*. Возможно, что в некоторых словах он представлен как *в*: ср. арх. *бадовяк*.

³⁵ Л. Хакулине н. Развитие и структура финского языка, II. М., 1955, стр. 50—51.

Если же учесть также закономерные чередования заднеязычных перед некоторыми суффиксами и окончаниями, то число реализаций конечного согласного еще увеличится: *з* ~ *ж* ~ *ч* ~ *ш*. Причем *з* возник, вероятно, в результате обобщения форм, в которых *г* чередовался с *з* перед *и*, *ѣ* (*батиз*). Однако результаты чередований возникли закономерно уже на славянской почве и не представляют большого интереса с точки зрения этимологической.

Место ударения в анализируемых словах тоже не является единым: оно засвидетельствовано как на первом (постоянное), так и на втором слоге слова в именительном падеже с переходом его на окончание в косвенных падежах³⁶, что, по мнению известного тюрколога Н. К. Дмитриева, изучавшего тюркизмы русского словаря, свидетельствует о большом возрасте заимствования³⁷. Впрочем, вопрос о первоначальной акцентуации этого слова пока не может быть решен без дополнительных разысканий, хотя для большинства случаев легко устанавливается конечное ударение.

Характер звуковых изменений в словах рассматриваемой группы (чередование глухих и звонких согласных, тенденция к сингармонизму гласных) позволяет думать, что мы имеем дело с древним заимствованием из тюркских языков. Действительно, для древнейших булгаризмов венгерского языка характерно начальное звонкое *б*³⁸, для современного же чувашского языка — единственного живого булгарского языка — характерно отсутствие звонких согласных, особенно в начале слова.

Действительно, в современном чувашском языке имеется точное соответствие русскому *батог* и близким к нему формам — это чувашское название палки *памак*, на которое в 1854 г. обратили внимание А. М. Шёгрен и И. Н. Березин и которое до сих пор не имеет убедительной этимологии. На связь русск. *батог* и чуваш. *памак* указывает и некоторая общность развития значений: как у русск. *батог*, *бадог*, так и у чуваш. *памак* имеется также значение 'определенная мера длины и объема' ('мера объема' только в русском)^{38a}.

В. Г. Егоров в «Этимологическом словаре чувашского языка» сопоставляет чуваш. *памак* 'палка' с киргизским, казахским, ногайским, карачаевским, башкирским (последнее по «Башкиро-русскому словарю» В. В. Катаринского, 1899) *бутак*, а также

³⁶ Здесь не имеются в виду западнославянские языки с фиксированным ударением.

³⁷ Н. К. Дмитриев. Ударение в русских словах тюркского происхождения. — «Сборник статей по языкознанию памяти заслуженного деятеля науки профессора Максима Владимировича Сергиевского». М., 1961, стр. 101.

³⁸ Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache (=Mémoire de la Société Finno-Ougrienne, 30). Helsingfors, 1912.

^{38a} См. «Словарь русских народных говоров» и Н. И. Апмарин. Словарь чувашского языка, вып. IX. Чебоксары, 1935, стр. 128—129.

уйгурским и каракалпакским *путак*, узбекским *буток*, алтайским (по «Словарю алтайского и алтадагского наречий» В. Вербицкого. Казань, 1884), туркменским *пудак*, башкирским, татарским *ботак*, тувинским *будук*, ойротским (алтайским. — И. Д.), турецким *будак* ‘ветвь, сук’. Но в дальнейшем отказывается от этого, хотя и делает попытку объяснить столь необычное сопоставление: «В чувашском наличие необычного *a* в начальном слоге хотя и можно объяснить ассимилятивным влиянием звука *a* второго слога, но, вероятнее всего, слово это восходит к русск. *батог*; для обозначения палки в чувашском имеется *туя*, соответствующее тюрк. *таяк*, а для обозначения ветви — *турат*»³⁹. Однако А. Е. Горшков, который специально рассматривал русские заимствования в чувашск. языке, не приводит слова *патақ* в числе русских заимствований и даже относит его к числу «природных слов чувашского языка»⁴⁰.

Вокализм чуваш. *патақ* позволяет думать, что это или, действительно, недавнее заимствование из русского языка (однако из *батог* мы должны были бы скорее ожидать нечто в роде *патук), или слово, восходящее к более древней форме с гласными переднего ряда типа *nättäk:ср. чуваш. *ар* ‘мужчина’—казах. *ер* ‘мужчина’; чуваш. *ас* ‘память’—казах. *ес* ‘память’ и т. п.

Но и форма *патақ*, вероятно, не является «природной» для чувашского языка, а заимствована в своей основе из языков финно-угорских. Источником для чуваш. *патақ* могли послужить пермские формы с гласными переднего ряда типа коми-зырян. *бедь* (*бедь*), диал. *bed'*, *bedj* ‘палка, посох, трость’, удм. *боды* (из общепермск. *bedi ‘палка’); мар. *пондо* ‘трость посох, дорожная палочка’, *панды* ‘палка’. Для всех этих форм В. И. Лыткин реконструирует форму *rlatl ‘палка’, при этом он считает невозможным сопоставлять эти финно-угорские формы с тюркскими и славянскими словами, так как они «фонетически далеки от финно-угорских слов»⁴¹. Ср. морд.-эрз. *монда* ‘палка’, мокш. *мандоня* ‘палка’ с уменьшительным суффиксом *-ня*.

Уже на чувашско-булгарской почве заимствованное общепермск. *bedi было распространено весьма продуктивным в алтайских языках суффиксом *-(a)к*, который во многих случаях имеет уменьшительное значение, но в некоторых случаях его значение не вполне определено⁴².

³⁹ В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 144.

⁴⁰ А. В. Горшков. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики. Чебоксары, 1963, стр. 123.

⁴¹ В. И. Лыткин. Краткий этимологический словарь восточно-финских языков (финно-угорский фонд). Проспект-макет. М., 1964, стр. 8—9.

⁴² Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 187—188. Впрочем, уменьшительный суффикс *-к* есть и в уральских языках. См.: Л. Хакулине. Структура и развитие финского языка, ч. I. М., 1953, стр. 110. Ср. морд. (мокш.) *байдек* ‘палка’.

Впрочем, между перм. *bedi 'палка', мар. *пондо*, *панды*, морд. *мандо* (мокш.), *монда* (эрз.), а также венг. *bot* 'палка' звуковые отношения не вполне выяснены⁴³. Б. Мункачи считал, что все эти формы заимствованы из индо-иранского (ср. санскр. *māntha-* 'мутовка', *manth-* 'мешать, перемешивать', но ему справедливо возражал Ю. Вихманн, объяснявший начальное *m-* мордовских слов чисто ассимилятивным воздействием носового *-n-*, закрывающего слог (еще до перехода начального *b > *p*)⁴⁴. Ср., впрочем, мокш. *байдек* 'палка' с начальным *b* и не вполне ясным *й*.

Что касается венг. *bot*, то Ю. Вихманн склонен объяснить его неполное соответствие или изменением *-*nt*->*-*ntt*-, или же фонетическим влиянием (-*d*>-*t*) со стороны славянских слов (словен. *bât* 'булава', серб. *бâт(a)* 'палка')⁴⁵. О. Ашбот полагает, что «мадьяр. *bot* Stock следует, конечно, объяснить, если оно слав., не из *bat*, но из *бъть*, срв. *тоh* из *мъхъ*»⁴⁶.

Итак, финно-угорская форма *rlptl (с не вполне ясными гласными), прежде чем попасть к славянам в виде слова *батог*, подверглась ряду преобразований как на финно-угорской (исчезновение согласного *n* внутри слова), так и на булгарской почве (добавление уменьшительного, по-видимому, суффикса *-(a)k*). Изменение сочетания согласных *-nt-* в *-t-* с продлением предшествующего гласного (отсюда *a* на славянской почве) из истории тюркских языков неизвестно⁴⁷, но весьмаично в языках финно-угорских (пермских)⁴⁸.

Озвончение конечного *k* в *g* могло произойти фонетически в тюркских булгарских притяжательных формах. Впрочем, известны и формы с *k*, а также со спирантацией *k* в *x*. Формы с конечными *v* и *й* на месте заднеязычного согласного (арх. *бадовяк*⁴⁹, укр. диал. *батiй*) тоже отражают тюркские явления, хотя, ввиду малой распространенности форм с конечными *v* и *й*, а также их неполной ясности, им не следует придавать большого значения.

⁴³ См.: E. N. S e t ä l ä. Über Art, Umfang und Alter des Stufenwechsels im Finnisch-Ugrischen und Samojedischen. — FUF XII, 1912, Anzeiger, стр. 82.

⁴⁴ Y. W i c h m a n n. Etymologisches aus den permischen Sprachen. — FUF XIV, 1914, стр. 82.

⁴⁵ Y. W i c h m a n n. Указ. соч., стр. 82.

⁴⁶ О. Ашбот. Несколько замечаний на сочинение В. И. Ягича об истории происхождения церковно-славянского языка. СПб., 1903 (отд. оттиск из т. VII, кн. 4, ИОРЯС, 1902), стр. 61.

⁴⁷ М. Р я с я н е н. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 198.

⁴⁸ В. И. Л я т к и н. Историческая грамматика коми языка, ч. I. Сыктывкар, 1957, стр. 90—92; J. S z i n n u e i. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. 2. Aufl. Berlin—Leipzig, 1922, стр. 34—35.

⁴⁹ Возможно, сюда же следует отнести блр. *ботвье* 'Stengel von Küchenkräutern' (L. S a d n i k, R. A i t z e t m ü l l e r. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen, II. Leif. Wiesbaden, 1964, стр. 72), если это не от *ботвá*. Последнее более вероятно.

Конечное ударение большинства восточнославянских форм, по-видимому, также свидетельствует о тюркском посредстве.

Конечное *-р* в ряде русских и украинских форм можно объяснить заимствованием из говоров с глубоким заднеязычным *-р*, которое могло быть воспринято при заимствовании как увулярное *-р*⁵⁰.

Первоначальное значение 'палка' в ряде славянских языков изменилось в последующее 'бич, кнут', ибо для первоначального значения в языках были специализированы другие слова (ср. русск. *жердь*, *посох*, *слега*, *палка*, *кий*, *дубина*, *хворостина* и т. п.). Это значение проявилось уже в древнейших текстах, что дало основание X. Шёльду считать значение 'бич, кнут' древнейшим, из которого якобы впоследствии получились значения 'палка' и т. п.⁵¹ Едва ли второстепенная часть бича (деревянная палка) могла получить название всего орудия, а потом это название было перенесено на дорожный посох и т. п. Более логично предположить развитие значений: 'палка, хворостина' > 'бич' > 'кнут'.

Большое разнообразие фонетических вариантов слова в восточнославянских диалектах было вызвано воздействием как финского субстрата, так и воздействием живых соседних финских языков. Формы с *-д-* возникли под воздействием пермских и чувашского языков; формы с *-йт-*, *-йд-* обязаны воздействию как пермских языков (ср. формы с *-дий-* в коми-зырынских диалектах), так и языков типа мордовского (*мокш. байдек*) и т. д. Кроме того, следует учитывать и другой важный факт — сближение заимствования с исконными русскими словами и даже контаминации с ними.

Яркий пример контаминации старого русского заимствования *батог* с коми-зыр. *бедь* видим в производных архангельских *бедожнбй*, *бедожнк* 'раненый, увечный, изуродованный; калека', которые помещены у Даля под гнездом *бѣдный* (с *ѣ!*). Вероятно, что основой для этих образований послужила диалектная форма *бедог; первоначально эти слова, по-видимому, имели значение 'ходящий с палкой, батогом, *бедогом'.

Присутствует контаминация и в диалектных терминах для обозначения короткой, бьющей части цепи: *батбг*, *бадбг*, *бáтик* и *битик*, *битéц*, *битбк*, *битуќ*, *бичик*, *бичуќ* (см. вып. 2 «Словаря русских народных говоров»).

В названиях растений слово *батог* сближается часто со словом *ботва*. Ср. волог. *бáтвина*, 'палка'. Контаминированного происхождения *калуж. байбик* 'хворостина'.

⁵⁰ В качестве примера можно привести передачу арабского ظ ؟ как г во французском языке в отдельных словах: *razzia* < араб. ظُرْجَةٌ *газуа* 'набег' (ср. русск. *гази*; *газават* — из мн. числа), при обычной передаче как *g*.

⁵¹ H. S k ö l d. *Lehnwörterstudien*. Lund, 1923, стр. 5.

Вероятно, финскому влиянию обязано начальное ударение в целом ряде русских диалектных форм слова *батог*, хотя и не исключаются другие причины изменения места ударения.

Относительно времени заимствования слова *батог* славянскими языками можно целиком согласиться с мнением А. И. Соболевского, который считал, что «слово *батогъ* находится в разных славянских наречиях; если оно заимствовано у тюрков, то в глубокой древности»⁵².

Ввиду почти полного отсутствия этого слова у южных славян (если не считать с.-хорв. *баток* ‘треска’) можно думать, что оно имело судьбу, одинаковую со словом *обры* ‘авары’, которое известно западнославянским языкам до сих пор, а также древнерусскому языку (знаменитый рассказ об обрах в «Повести временных лет»), но не известно южным славянам⁵³, поэтому можно предполагать, что оно проникло в славянские языки в период аварского господства в Паннонии.

В связи с историей слова *батог* следует упомянуть историю славянского названия Вены (польск. *Wiedeń*, чеш. *Vídeň*, укр. *Відень* < *Věděń›), которое, несомненно, связано с кельтским ее названием *Vindobona*. Славяне, очевидно, получили это название от кельтов через посредство какого-то языка, в котором сочетание *-nd-* превратилось в *-d-*⁵⁴. Аналогичный процесс произошел в слове *батог*: *-nt-* > *-t-*. Возможно, что кельт. *Vindobona* попало к славянам через посредство какого-то финского народа, входившего в состав гуннских или аварских орд и в языке которого происходил процесс деназализации сочетаний *-nd-*, *-nt-* с продлением предыдущего гласного; отсюда *a* в *батог* и *ē* < *ē* в *Věděń. Эти соображения тем более имеют вероятности, что историки уже давно считают, что гуннские и аварские орды в своем этническом составе были неоднородны, включая, наряду с тюркскими (и монгольскими?) элементами, также элементы финно-угорские и др.⁵⁵ Отсюда и возможность ранних заимствований из финно-угорских языков в языки многих славян. Правда, следует учитывать также, что эти слова могли заимствоваться и в разные периоды, и от разных народов (особенно это касается вариантов), контаминируясь и сближаясь с другими словами.

В связи с историей и этимологией russk. *батог* представляется также возможность пересмотреть и этимологию слав. *batъ ‘дубина, колотушка’, представленного в русском, польском, сербохорватском и словенском языках и чешских говорах и не имеющего удовлетворительных параллелей за пределами славян-

⁵² «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», 1906, т. XVII, вып. 1, стр. 8.

⁵³ А. Л. Погодин. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901, стр. 58—61.

⁵⁴ См.: А. Л. Погодин. Указ. соч., стр. 28—29.

⁵⁵ А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951, стр. 148, 178.

ских языков на индоевропейской почве⁵⁶. Весьма вероятно, что и это слово относится к числу заимствований из финских языков (возможно, тоже через булгарское посредство), только оно заимствовано в неосложненной уменьшительным суффиксом форме **batъ* < **blntla*.

Не лишено интереса, что в финно-угорских языках наблюдается также другой вариант корня, который, по Ю. Вихманну, представляет другое слово: мар. *pándə*, *póndə* 'куст, ботва', удм. *пуд* 'ботва, рукоятка', а также коми-зыр. *под* (*подий-*) в составе выражений типа *капуста под* 'кочерыжка', т. е. 'ножка капусты', *тишак под* 'ножки гриба'⁵⁷. Ср. также в некоторых коми-зырянских диалектах *пу* 'палка' при литер. *пу* 'дерево'.

Этому финно-угорскому корню соответствует болг. *бът* 'жезл, палка'⁵⁸, с.-ц. слав. *бътъ* 'жезл' (Miklosich LP, стр. 49), рум. *bet*, *bîtă*, *băt* 'палка, стебель' (Tiktin I, 179 указывает на связь со славянскими формами, сомневаясь в форме **bîtъ*). Сюда же относит обычно и словен. *bat*, *bet* (см. выше).

Об отношении этих финно-угорских, славянских и румынских форм между собой и к венг. *bot* 'палка' и к слав. **batъ* я пока судить не решаюсь.

⁵⁶ Фасмер I, стр. 133; L. Sadnik, R. Aitzetmüller. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen, 11. Lief, стр. 74. Близкие по значению русские диалектные формы типа *бáчегá* 'чурбан', *бáчина* 'палка, кол', *бачелéга* 'рычаг' и т. п. фонетически с трудом могут быть отнесены к этому гнезду (*нт* > *йт* > *тй* > *ч?*).

⁵⁷ Y. Wichtmann. Указ. соч., стр. 82—83.

⁵⁸ Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Займов и Ст. Илчев («Български етимологичен речник», св. II. София, 1963, стр. 105) не приводят славянских параллелей и считают румынским заимствованием: из рум. *bîtă* 'дубина'.